

Василий Иванович Немирович-Данченко

Ливень

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Ливень**

— Слава Богу, слава Богу, слава Богу!.. — по-вторял про себя Брызгалов, вглядываясь с высот бастиона в окрестности Самурского укрепления.

Действительно, нигде так не понятно выражение «хляби небесные разверзлись» как на далёком юге. Всё, что ещё недавно, озверелое, мрачное, заранее торжествующее свою победу над жалким каменным гнездом, куда заперлись русские, стояло кругом грозною силою, теперь стремглав уносилось прочь от крепости. Как бешеные стремились Чечня и Кабарда к первым предгорьям, неистово хлеща нагайками и без того испуганных коней, красные пятна мюридов казались жалкими точками вдали... Все эти сплошные горные кланы пеших лезгин, полудиких дидойцев и совсем диких андийцев — бежали в слепом ужасе пред стихийною помощью, неожиданно явившеюся к русским. Самур уже вспучивался... Недавно тихие и спокойные воды его выступили из берегов, подняли на пенистое лонно головни залитых костров, целые деревья, срубленные дидойцами и лежавшие около, — подняли и, мощно ворочая их словно сучья в

своей быстрине, понесли вперёд к Каспию. В самом стремени вода мчалась яро и шумно... Брызгалов видел сверху, как несколько всадников, попавших туда, тщетно боролись с течением. Самур сбивал их грудью с пути, скидывал оглушённых и измученных с лошадей, и, торжествуя, ревел над их головами, и захлёстывал их тела... Река теперь была неузнаваема, — двух часов ещё не прошло, а она уже готовилась всю долину очистить от воинственных дружин, сравнять её овраги и холмы и разлиться от гор до гор одним серебряным щитом... «Проснулась матушка наша, — повторяли солдаты. — Поила, кормила, а теперь заступилась за нас, бедных»... Воды её уже подступали к самой крепости, но стены и бастионы её были надёжны... Самур точно терял всю силу около них. Он ластился к ним, набегая волнами, точно хотел отчистить и отмыть чёрные пятна недавнего пожарища, подымал сотни валявшихся трупов и, легко стучась ими о каменную кладку и покачивая их, сносил прочь от крепости... Собаки и те поняли, в чём дело. Они тоже взбежали на бастионы и оттуда радостно лаяли на так во

время пришедшее на помощь наводнение... Радостно лаяли и ласкались к уцелевшим. Сверху струились не прекращавшиеся волны ливня. Ветер подхватывал их, уносил в целом мареве брызг в сторону, но взамен тотчас же падали новые и новые... Ливень шумел ещё грознее реки. Куда ни вглядывался Брызгалов, — ни за одной из горных вершин, едва-едва видневшихся за этою серою завесою, не голубело небо. Тучи шли всё гуще и гуще, непрогляднее и зловещее... Казалось, там, в необъятной вышине, в недостижимых глубинах неба яростно гремит своя стихийная битва... Молния скрещивались с молниями. Отблесками чьих-то чудовищных мечей падали они на землю, лились иногда не прерывавшимися линиями из громоносно раскальвавшихся и размётывавшихся туч, за которыми в эти свежие, зияющие прорывы точно в открытые раны виднелись другие, ещё гуще, ещё непрогляднее... От вершин к вершинам змеились огненные струи... От горного темени к отвесам скал и обратно свивались, связывались узлами и целыми снопами грозового пламени жгли трепетавшую землю...

Вихрь налетал из ущелий, подымал бешеные воды Самура, бросал их с неистовством и гневом прямо в лицо тучам, те громили его опять молниями и яростно рокотали как потревоженный могущий зверь... Под громадами их неслись в слепом страхе обрывки сражённых, изорванных тучек, кидались в сторону, встречались и падали в бездны, и на смену им так же без оглядки, так же испуганно бежали такие же серые лоскутья и умирали, разрешившись новыми ливнями дождя... Часто молния золотым мостом пересекала всё небо от края и до края, чаще ещё недра туч разверзались, и в их таинственной глубине внезапно рождалось пламя, и новые удары заставляли вздрагивать на каменных стержнях величавые утёсы Дагестана... В этой битве земли и неба было столько величия, что смутный ужас охватывал самых спокойных людей. Из окрестных ущелий уже с бешенством отчаяния, точно гонимые стихийными бичами, с воплем и рёвом в долину неслись вспенившиеся горные потоки... Они поднялись до скал, подрылись за ними, обогнув их и, точно одолев врага сзади, с тылу, торжествуя свою

победу, падали уже тысячами каскадов и с диким стоном бросались в наводнение Самура... По отвесам гор в бездны, по стремнинам в долины, с иззубренных скал по их трещинам — сотни водопадов зашумели кругом, и часто под яркими их ударами сбивались и тонули в бессильном страхе десятки всадников... Тучи то припадали к горным аулам, то, разрываясь о их сакли, уходили прочь, но утром ни один луч солнца не золотил их влажные, плоские кровли, не играл весёлым блеском на лазуревой эмали их минаретов и на белых куполах мечетей. Деревья, точно молясь, пригибались раскидистыми вершинами к самой земле, но буря, не внимая им, вырывала столетние корни из земли и жалкими трупами валила в пучину лесные великаны...

— Что это?! — подошёл легкораненый Незамай-Козёл к Брызгалову, показывая ему на восток.

— Пень какой-то...

— Нет, не пень... Всмотритесь. В этой точке есть что-то живое... Она то течению отдаётся, то вдруг воспользуется затишьем и к нам поближе становится... Я давно смотрю за нею.

Точно она думает.

— Несчастный кто-то, из ихних, может быть.

— Нет. Ихнему незачем было бы к нам приближаться... Вы взгляните хорошенько...

Брызгалов взял зрительную трубу. Из-за белых линий ливня — в яркой пучине Самура, в мыльных волнах пены ему примерещилась, действительно, фигура всадника с конём...

— Видите теперь?

— Да, в самом деле... Вороной конь... Это я вижу... Горец какой-то...

А сердце его невольно билось. Он угадывал борьбу живого существа с беспощадною силою бури, и ему жаль было, может быть, врага, который сам бы не оказал милости побеждённому Брызгалову. В этой точке, в этом атоме, действительно, было сознание... Она двигалась энергично, где было можно, и отдавалась воле течения, не споря с ним, где борьба являлась бы безумием. Тем не менее, — она делалась всё ближе и ближе. Она выигрывала каждую случайность, дававшуюся ей судьбою.

— Мужественное сердце у него, у этого гор-

ца! — тихо проговорил Брызгалов.

— Да... Молодчинище... — соглашался Незамай-Козёл, следя за движениями чёрной точки.

— До сих пор он не дал себя оглушить ни разу... Не растерялся...

И Брызгалов даже забыл полчища врагов, искавших спасения в горах. Он теперь не отрывался от горца, всё ближе и ближе придвигавшегося к крепости... Скоро можно было заметить голову горца, с которой ветром сорвало папаху. Черты лица пропадали за серым матом ливня, и ближе мудрено было бы отгадать их!.. И самая голова его не раз пропадала вместе с чёрною мордою коня в белой пучине, и когда Брызгалову хотелось уже перекреститься и сказать: «Погиб!», она вдруг появилась из воды... Старик Левченко, — тоже несмотря на рану, к которой он относился презрительно, называл её «дрянь нестоящая, — в шкуру пуля ткнулась и говядины не испортила!» — сам Левченко заинтересовался и тихо повторял:

— Вот джигит, так джигит! Удалой... Этого, братцы, и пристрелить жаль!

Нина, затомившаяся внизу, вышла наверх на башню подышать воздухом и одолеть хоть на минуту усталость. Она тоже не отводила глаз от этого всадника.

— Не знаю, почему, папа, мне его так жаль. Кажется, будь крылья, распустила бы их и кинулась к нему. Точно близкий мне человек гибнет там.

— Гибнет? Не погиб ещё... Может быть, и... Но тут Брызгалов вдруг замолк.

Всадник с конём исчезли... Их уже не было видно... Потом показался конь один, — всадника не было. Конь наткнулся на дерево, нёсшееся, кружась со своей зелёною вершиной и растопыренными сучьями вниз по Самуру. Оно его сбило... Конь попал под него, вынырнул ещё раз... И уже совсем исчез в белой пучине Самура...

— Ну, конец!.. — вырвалось у Брызгалова, и он перекрестился.

Нина плакала тихо, опершись о его плечо. Казалось, только теперь она дала волю нервам... Она билась и вздрагивала...

— Эге, братцы! — весело крикнул Левченко. — Ишь, точно казённое добро... Опять с Бо-

гом плывёт — джигит, настоящий джигит!

Действительно, теперь недалеко уже показалась голова плывшего человека... Конь погиб, всадник уцелел.

— Это он нырял, ваше высокоблагородие...
Правильно!..

— Почему «казённое добро», дяденька? — спросил Левченко молодой солдат.

— Потому: казённому добру ни в огне гореть, ни в воде тонуть не полагается...

— Нина, голубушка, знаешь, кто это? — вырвалось у Брызгалова, пристально смотревшего теперь в зрительную трубу.

— Кто, кто?..

— Да, ведь, к нам он... Верно, с важными известиями... Эй, ребята, кто сможет помочь ему?! Ничего не пожалею...

А сам опять глазом к трубе припал.

— Да кто, кто, папа? — теребила его за руку Нина.

— Наш елисуйский молодой бек, Сын Курбана-Аги — Амед...

Нина вздрогнула и за сердце схватилась. Ей вдруг ещё дороже стал юноша, и она уже не сводила с него горящих глаз в то время,

как её уста шептали тихую молитву: «Господи, помоги ему, помоги ему!.. Богородица, милая — спаси его!»

— Прикажите, ваше высокоблагородие, я попытаю свою счастья!.. — предложил какой-то немудрящий солдатик.

— С Богом, Егунов!

Его выпустили. Он привязал верёвку себе к поясу, и пустил другой конец свободно на воду, и сам кинулся в разлив Самура навстречу к елисуйцу.

На первых порах Егунову было очень легко. И плыть не приходилось кое-где... То и дело он попадал на отмели и на своих медвежьих ногах крепко держался противу удара волн... Он зорко смотрел только, чтобы его не сбило трупам, нёсшимися по течению, да брёвнами, вертевшимися в нём, точно они сознательно боролись противу этой страшной силы воды... Нину теперь никто бы не мог свести с бастиона. Она вышла из-под крыши над башней. Ливень хлестал ей в лицо, вихрь точно хватал её холодными руками и хотел бросить вниз, — мужественная девушка не обращала на это внимания. Кнаус подошёл

было к ней и заговорил о том, что она простудится.

— Оставьте, уйдите! — коротко проговорила она и так проговорила, что тот тихо поднял фуражку и отошёл.

Она теперь уже видела юношу.

Тот задыхался в волнах. Они глушили ему голову ударами, они смывали его прочь и уносили далеко вниз, но он, отдавшись им, отдыхал минуту и ещё энергичнее принимался за борьбу с ними. Нина уже замечала теперь, как он широко раскрывает глаза, очевидно, чтобы оценить силу поднимающейся на него массы пены и влаги, и, захлёстываемый ею, опять смыкает их немощно, и только молодые руки его работают в этой пучине, в страшной борьбе, где проигранная ставка жизни оставляла ему одну смерть... Не раз он совсем исчезал в волнах, и вся бледная, девушка уже молилась за него как за мёртвого... Но он опять вскидывался наверх как щепка, поднятая течением со дна. Его вертело, отнесило, било о деревья... И, наконец, — Нина твёрдо верила, что это её молитвами на пути ему попало громадное дерево, сорванное

потоком, попавшее на отмель и остановившееся на ней... Амед мигом взобрался на него. Один сук его торчал вверх, сук раздваивался, и в эту седловину цепкий как кошка всполз юноша. Теперь он уже ничего не видел. Он тяжело дышал, закрыв глаза и, по-видимому, отводя смертельную усталость... Он держал руку за сердце, должно быть, оно билось сильно, до боли... Он даже скоро опустил голову, схватясь за дерево и точно засыпая. А кругом, продолжая глушить его, грозно ревели волны, обдавали его брызгами, ветер срывал с них пену и бросал её в лицо елисуйцу... Самое дерево, на котором сидел он, — начинало колыхаться, точно ему хотелось скорее двинуться по стремени реки, колыхаться, — проминая для себя проход... Вода со зловецим шумом бежала через его смокшую, растрёпанную вершину, срывая листву и унося её прочь далеко-далеко. Не раз накидывались на Амеда сильные порывы ветра, будто желавшего его сбить как переспевшее яблоко с тонкой ветки... Но он держался бессознательно крепко... Вдруг ему послышался крик... Он широко открыл глаза и увидел шагах в ста от себя — солдата. Егу-

нов был выше его по направлению к крепости... Что орал ему русский, — елисуец не мог разобрать, но он понял, что тот хочет его спасти. Он поднял невольно глаза на крепость и в серой сетке ливня увидел вдруг то, что придало ему разом нечеловеческую силу. На бастионе стоял силуэт женщины. Он угадал в ней Нину. Она смотрит на него, она, быть может, послала ему навстречу, она теперь молится за него своему Богу. Всё равно общему Богу, потому что Бог один... Бог Нины не может не быть истинным Богом. В утомлённую грудь юноши точно ворвалась новая, свежая сила. Его сладко отуманило порывом чего-то восторженного, радостного. Теперь, если он и погибнет, то погибнет на её глазах. «Благодарю тебя, Аллах, благодарю Тебя, Бог Нины... Великий, Неведомый»... Что это? — она его крестит издали... Да, теперь есть ли такая сила, которая помешала бы ему одолеть всё кругом? Он весело крикнул что-то солдату, взмахнул руками и одним прыжком кинулся в воду. Действительно, точно у него за спиной выросли крылья... Они его держат на воде, они не дают волнам захлестнуть его...

— Сюда, сюда, кунак... — слышится ему сквозь бурю, и он понимает, что это солдат, посланный ему на помощь. — Сюда держи, молодец!..

И он держит на голос... Что это хлестнуло его по лицу?.. Верёвка... Он инстинктивно схватывается за неё... Она вытягивается, но, должно быть, крепок Егунов, как ни отбивают воды прочь елисуйца, верёвка натянута, — как струна, — но не поддаётся им... Теперь уже двое борются противу самого стремени Самура, но Амед знает, что на него смотрит сверху Нина. Он знает, что, хоть он и татарин, а она русская, а всё-таки он ей дорог... Она следит за ним, она благословляет его издали и призывает ему на помощь неведомого христианского бога... Чу!.. Что это?.. Воды слабее... Верёвка всё короче и короче... Ещё несколько усилий, ещё несколько минут и Амед уже видит солдата.

— Спасибо, друг! — тихо говорит он.

— Такого молодца да не вызволить!..

— Рад бы и я тебе услужить чем...

— Ты уж нам, кунак, послужил... За тебя барышня, вон как Богу молится... А она, брат,

такая, что Бог её завсегда послушает...

Наивная речь старого солдата точно музыка звучит в его ушах.

— Э, да у тебя и Егорий... Давно ль?..

— Генерал в Петровске сам повесил.

— Ну, с тебя литки при случае, — весело говорит Егунов. — Теперь ты нам первый друг...

Они уже вне опасности... Смутно как сквозь сон видит Амед, что перед ним растворяются ворота крепости. Кто-то обнимает его... Едва-едва понимает юноша, что это Брызгалов. Чья-то маленькая рука жмёт его руку, и он только сердцем, а не глазами видит, что это Нина. Кто-то поздравляет его, с чем — он не может сообразить сам, и как сноп валится к её ногам.

— Устал, бедный... Скорей перенесите его в госпиталь.

— Папа, там места нет. Несите его за мною!

— Куда?

— Ко мне в комнату. Я пока перейду наверх, а из госпиталя офицеров можно перевести ко мне и Амеда туда же.

И, не ожидая, что ей ответит отец на это, она идёт за солдатами, бережно несущими

юношу, приказывает уложить его к себе на постель и бежит за доктором.

Амед очнулся только часа через три. Обморок у него перешёл в такой сон, что, казалось, нет силы, которая могла бы его разбудить. Когда он открыл глаза, был уже вечер. Ливень стучал в окно и матовой сеткой заслонил всё перед ним...

Амед почувствовал себя здоровым, но страшно утомлённым. Он опять закрыл глаза и тотчас же, вспомнив что-то, привстал на локтях. Он было хотел одеться, но руки и ноги его, избитые ударами волн, ныли и болели... Он невольно откинулся назад и, заметив вдали солдата, спросил его:

— Мне снилось, или, действительно, барышня приходила сюда?

— Только сейчас ушла, а то всё время была здесь.

Он закрыл глаза, и на лице его отразилась восторженная улыбка. Потом он опять обратился к солдату.

— Мне надо коменданта...

— Сейчас позову...

Брызгалов ожидал с нетерпением, когда

сознание вернётся к елисуйцу.

Он быстро пошёл к нему.

— Ну, ещё раз поздравляю тебя, братец, с Георгием...

— Сам генерал дал... Молодцом называл. Сказал, что второго даст, если я исполню его поручение.

— Ну?.. Что он велел передать?..

Амед снял с шеи кожаный мешочек и подал его Брызгалову...

Тот взрезал его и вынул записку.

«Держитесь до последней возможности... Ешьте коней, что хотите, но держитесь. Помощь подать вам прямо нельзя, — не пробьёшься... Но со всеми силами своими я выступаю на аул Салты, в Дагестан... Возьму его с помощью Божьей, и шайки, осадившие вас, поневоле вернутся. Вы представлены к чину и Георгиевскому кресту. Офицеры и солдаты будут награждены. Крепость, хоть помри, да стой. Гибните до одного, но не сдавайтесь. Я знаю, ваше положение отчаянно, но и у нас здесь не лучше... Да поможет вам Господь!..»

Брызгалов задумчиво опустил лоскуток бумаги.

— А насчёт продовольствия?.. Вам ничего не передавали?

— Из Дербента послать нельзя... Там мало солдат...

Степан Фёдорович опустил голову.

— Ешьте коней... Да они уже съедены...

— Можно мне слово сказать?

— Да. А что, Амед?

— Как я оправлюсь, я доставлю вам коней и баранов.

— Откуда?

— От них, от лезгин и чечни...

— Как ты это сделаешь?

— Я ещё не знаю... Попробую... Сделаю...

Брызгалов нагнулся и поцеловал Амеда.

— Я смотрю на тебя как на сына... Если бы ты был христианин, я бы перекрестил тебя... Ну, прощай, Амед, отдыхай пока... Ты заслужил несколько часов покою. Вечером поужинаем вместе...

Амед улёгся. Закрыв глаза, но у него на лице было такое счастливое выражение, точно он из-под опущенных век видел что-то светлое, ясное, радостное...

— Как сына!.. — тихо повторил он про себя.

